

С.Н. Азбелева. М., 2001. (Б-ка русского фольклора. Т. 7).

9. Казаки Черноморского казачьего войска в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813—1814 годов: документальный альбом / Сост. Л.М. Пурас, Б.Е. Фролов, Н.А. Хорольская. Краснодар, 2011.

10. *Капаев В.А.* Песни хутора Кубанский. М., 1997. Вып. 1.

11. *Кошиц А.А.* Песни линейских казаков, кубанских казаков и солдатские // Вторые кубанские литературно-исторические чтения: Материалы науч.-теор. конф. (доклады, науч. сообщ., публикации) / Науч. ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 2000.

12. Кубанский край. Екатеринодар, 1912. 2 окт.

13. *Кухаренко Я.Г., Туренко А.М.* Исторические записки о войске Черноморском (со времени поселения онога на всемилостивейше пожалованной земле по 1831 год) // Кубанский сборник. Т. 1 (22) / Сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2006.

14. Наполеон и казаки // Кубанский казачий листок. Екатеринодар, 1912. 7 окт.

15. Новейший полный всеобщий песенник. СПб., 1815.

16. *Орехов К.* Ст. Келермесская. Юбилей Отечественной войны // Кубанский казачий листок. 1912. 16 нояб.

17. *Певнев А.П.* Кубанские казаки: Пособие для учеников станичных школ Кубанской дирекции при изучении истории родного войска / Сост. А.П. Певнев. Екатеринодар, 1911.

18. *Попов В.А.* Кубанские сказы. Краснодар, 1968.

19. *Самовтор С.В.* Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани (конец XVIII — начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.

20. *Смолицкий В.Г.* Образ атамана Платова в народном творчестве // Атаман Платов в песнях и преданиях / Сост. В.Г. Смолицкий, В.Е. Добровольская, И.Е. Посоха, А.Н. Иванов. М., 2001.

21. *Фролов Б.Е.* Историко-этнографическое значение труда Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко «Исторические записки о войске Черноморском» // Третьи Кухаренковские чтения: Материалы краевой науч.-теор. конф. / Науч. ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 1999.

22. *Шахов Д.В.* Воронежская станица (статистико-этнографическое описание) // Кубанский сборник. Т. 1 (22) / Сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2006.

23. *Шкарлет Т.* Сел. Царский Дар // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1903.

Сокращения

ГАКК — Государственный архив Краснодарского края.

ПМ КФЭЭ — полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции.

В.А. ЛОБАЧ

ВОЙНА 1812 г. В ФОЛЬКЛОРНОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУСОВ ВИТЕБЩИНЫ

Война 1812 г., получившая в российской исторической традиции наименование «Отечественная», с точки зрения белорусской истории вполне может рассматриваться как война гражданская. В среде местного дворянства (шляхты) еще была жива память о своем государстве (последний раздел Речи Посполитой произошел лишь в 1795 г.) и «золотых шляхетских вольностях». Обещание Наполеона воссоздать Великое княжество Литовское привлекло в ряды его армии около 20 тыс. добровольцев из числа шляхты. В то же время приблизительно такое же количество уроженцев Белоруссии сражалось на стороне российского императора [7. С. 23—25].

Если говорить о других социальных слоях общества, то мещане помнили о городском самоуправлении, дарованном еще Магдебургским правом, но ликвидированном в результате присоединения к Российской империи. Очевидные надежды связывало с Наполеоном и белорусское крестьянство, ожидая, что французский император отменит крепостное право точно так же, как он это сделал в Герцогстве Варшавском. На начальном этапе войны крестьяне, предвосхищая события, активно выступили против своих помещиков, громя их имения и захватывая имущество. Когда же погромы попытались остановить подразделения российской армии, то они столкнулись с жестоким сопротивлением белорусских крестьян.

Понятно, что для традиционного мировоззрения крестьянства свой собственный земельный надел являлся куда более значимой ценностью, нежели недавно и не по своей воле приобретенное «Отечество». Показательны в этом плане события, произошедшие в Полоцком уезде, когда «крестьяне помещиков Малиновского и Репнинского с начала июля взбунтовались, вышли из повиновения у своих господ и разграбили казенный магазин в деревне Дворище и своих помещиков прогнали». Против полоцких крестьян был послан отряд Московского драгунского полка под командованием поручика Квятковского. Крестьяне деревни Дворище встретили карателей, вооружив-

шись «ружьями, пистолетами, кольями». Отряд вынужден был отступить, преследуемый крестьянами до деревни Казулино, где 9 августа ночью он был окружен. И «бунтовщики со стрельбою и большим криком бросились на команду, смяли оную, убив до смерти 2 драгун, поручика Квятковского и заседателя Ольшевского прибили бесчеловечно, потом перевязали схваченных ими одного унтер-офицера и 11 человек рядовых драгун и отвели в Полоцк к французам» [1. С. 346].

Однако реалии войны вскоре показали, что все надежды белорусской шляхты, горожан и крестьянства, связанные с приходом Наполеона, оказались иллюзорными. «Великая армия» мародерствовала, проводила бесчисленные реквизиции и карательные акции. Относительно быстротечная война (продолжалась чуть более 5 месяцев) обернулась для Белоруссии настоящим ужасом. Демографические потери составили около 1 млн. человек (около четверти всего населения белорусских губерний), города, местечки и сёла лежали в руинах, а площадь пахотных земель составила лишь половину их довоенного состояния [7. С. 27—28].

Несомненно, что война 1812 г. оставила значимый след в коллективной памяти белорусов. Однако механизм кодификации и мемориализации этих драматических событий в различных социальных слоях существенно различался. Для образованных сословий оформление памяти о войне заключалось в создании нового пласта семиотического пространства (награды боевые и юбилейные, памятники и мемориальные знаки, историческая, публицистическая литература «на тему» и т.д.). В рамках традиционного сообщества, «фольклорного» по способу фиксации и передачи информации, циклическое восприятие времени, присущее традиционному мировоззрению, нивелировало значение любых юбилеев, жестко привязанных к линейной модели истории с ее точным хронометражем. Для сельского сообщества существенны и значимы лишь прецеденты, события переломные, критические, экстраординарные, к которым без сомнения относится и война. В свою очередь, время на протяжении жизни трех-четырех поколе-

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛОБАЧ, канд. ист. наук; Полоцкий гос. ун-т (Белоруссия)

ний «переводит» значимое событие из категории «оперативной (актуальной) истории», которая обслуживается совокупностью личных воспоминаний и изобилует подробными, достоверными деталями, в категорию «истории фольклорной (эпической)». Кроме того, сам культурный ландшафт становится для местного сообщества «учебником истории», которая при всем своем локальном и этноцентрическом прочтывании тем не менее органически включена в историю мировую.

Культурный ландшафт Витебщины, которая стала ареной жестоких сражений между французской и российской армиями, в достаточной степени насыщен объектами, непосредственно соотнесенными в фольклорной истории с событиями 1812 г. В качестве «предметных иллюстраций» тех далеких событий фигурируют как природные (озера, горы, камни, деревья), так и культурные (курганы, городища, населенные пункты) элементы пространства.

Наиболее распространенным типом преданий о войне 1812 г. являются многочисленные повествования о «французских могилах» (захоронениях солдат наполеоновской армии), которые фиксируются в большинстве районов Витебщины:

Раньшэ гаварылі, што былі французскія магілы. Я сам відзіў такія горкі ў лясу. Гаварылі, што як французы ішлі, тады іх тут харанілі. Ну а цяпер іх ужо і нет. А то такія горкі былі круценькія. А цяпер трактара гэтыя ж ходзяць на паля. І ўсё пазбурылі, пазбурылі!

А гэта, наўверна, мучэньне было для салдат, як яны капалі гэты, ну гэтыя магілы. Мы во раз ішлі, там тады бугаркі такія былі, цяпер ужо заросшыя, я ўжо цяпер тожа не знаю. А я там пасьціла з бабкай, што во тут во жыла. Я з ёй пасьціла кароў, ну вот, як Навіньне праедзеш, і вот дарога гэта пачынаецца. Ну тут вот, як адсюда налева, бугаркі вот такія вот. І я гавару: «А што гэта за бугаркі?» А яна гаварыт: «Вот тут французы пахаронены... Ну, вот кагда-та вайна была, і вот тут пахавалі (Полоцкий р-н) [5. С. 267—268].

Захоронения чужих солдат, да еще в столь необычных могилах, служили причиной возникновения слухов о «страхах» и привидениях, появляющихся возле курганов:

Атсюдава, можа, кіламетры паўтары, у лесе, ёсць сопкі — гавораць, што гэта французскія могілкі. А далей ў лесе — курган Гарадзец. Гавораць, што раней

«Французские могилы» возле д. Заозерье Ушачского р-на

«Французскія валатоўкі» возле д. Углы Ухвицанские Полоцкого р-на

ў дванаццаць часоў з кургана выходзіў французскі салдат і ўсе, хто ў гэты час пахаў, беглі адтуль [5. С. 269].

Для современных археологов предания о «французских могилах» служат практически достоверным указанием на наличие в той или иной местности курганных захоронений X—XII вв. [2. С. 170, 197, 364, 399, 408, 452] Такая подмена исторических реалий, когда кривичские курганы в народном сознании отождествляются с погребениями французских солдат, может показаться нелепой и случайной только на первый взгляд. Во всех без исключения случаях курганы в традиционном мировоззрении белорусов предстают как объекты антропогенного происхождения и только как места погребения.

При соотношении размеров курганов с параметрами «нормальных» могил, в которых похоронены родст-

венники и односельчане, в народном сознании формировалось устойчивое представление об огромных людях, погребенных в курганах [4. С. 4]. В значительной степени это коррелирует с мифологическим образом *волатаў* — великанов, живших в эпоху перво-творения, над захоронениями которых, считается, были насыпаны курганы — *валатоўкі*. Однако на Витебщине народные названия курганов («французские могилы» и «волотовки») очень часто фигурируют как синонимы:

Гэта ў межах нашай, дажа можна сказаць і дзярэўні. Ёсць такія валатоўкі, і ў іх пахаронены, нібы, французы. Так і гавораць: Французскія валатоўкі. Большая гара, а там узгорачкі. Вось яны і называюцца валатоўкамі².

Вместе с тем внушительные размеры курганных насыпей (особенно оди-

ночных, выделяющихся на местности) могли рождать объяснение социокультурного плана: большая могила возводится на месте захоронения «большого» человека (князя, военачальника, генерала и т.д.) или же в память о нем:

А ў нашай меснасці былі французы. Там, пад Заазер'е, ёсць нескалька халмоў. Дык гэта насыпалі, як начальніка ўб'юць. Яго паложуць тут, дык усе салдаты жменькамі гэты холм насыпаюць³.

На Калавурскай гарэ была бальная валадоўка. Калі іці на Замошша, то па правай старане. Казала пра гэта маці, ці мацін брат, што валадоўку гэту насыпалі даўным даўно салдаты. На гарэ яны сталі аддахнуць. Генерал іхні загадаў насыпаць валадоўку аб сабе на памяць. Разбурылі валадоўку яшчэ да вайны, калі строілі дарогу (Чашничский р-н) [5. С. 273].

Курганные группы в традиционной картине мира, напротив, воспринимались как погребения коллективные (массовые) и при этом возникшие в итоге одноактного трагичного события (война, битва) с обязательным участием «иноземцев» (французов, шведов, татар). Типологическое тождество всех насыпей в пределах курганной группы (ни одно сельское кладбище не характеризуется буквальным сходством надгробных памятников, которые выступают идентификатором покойника) лежит в основе народных представлений об абсолютной социокультурной и этнической идентичности похороненных там людей. Наиболее выразительными представителями однородной социальной группы, которые могли одновременно погибнуть в итоге каких-то драматических событий, были именно солдаты. В большинстве случаев «французские могилы» в народных преданиях фигурируют как места массовых захоронений солдат наполеоновской армии:

Як французы ішлі, іх тут убівалі, закапавалі іх тут убітых — эта валадоўкі⁴.

Як не было яшчэ дзевяць, то французы ваявалі. Называлі курганы «валадоўкі». Дзве было большыя, астальныя меньшыя, абкопаныя былі. Пра тое гаварылі людзі — кучамі людзей пабіла, ссоўвалі, хавалі людзей у валадоўках (Лепельский р-н) [5. С. 269].

В ряде случаев (Верхнедвинский, Россонский, Миорский р-ны) в качестве «братских могил» солдат французской армии выступают городища же-

лезного века, известные среди местного населения под характерным названием «Французская гора»:

Вот у Шалцінах, возле озера, гара называецца Французская, патаму шта там захараненіе французскіх салдат 812-га года. І па сей час іх можна там адкапаць, косці яшчэ сахраніўшыся [5. С. 249].

Темный цвет грунта, характерный для культурного слоя городищ, а также находки различных артефактов свидетельствовали, по народному убеждению, о рукотворном характере подобных «гор»:

Я знаю, тут адно гарадзішча ёсць. Ужо 1812 год, як Напалеон ішоў, як бітва была, там гарадзішча, харанілі напалеонаўскіх салдат умесце з канямі з усімі, гавораць. І на гарэ так здорава насыпана, туды дабрацца. Ну, крута сільна! Яна і завешча гарадзішча. Яна во тут во ў нас между Грыбовым і Янкавічамі, тут Ражноўскі лес. Вот тут дзе-та яна ёсць. Я рабят вадзіла, як у школе была. І там такая зямля як удабрэнне, такая чорная зямля. Ну там вот гавораць, іменна із-за гэтага зямля такая. Сільна многа было захаранено вот пасля гэтай Ацечэственнай вайны. Збрую конскую нахадзілі ўсякую, каскі гэтыя такія, як бралі ўдабрэнне, нахадзілі. І іменна гэтыя астраканечнікі, і іменна там гэта захараненіе было⁵.

Старыя людзі гаварылі, а ці, можа, праўда, ці можаць так быць... Гавораць, як была вайна, тады гэтыя французы шапкамі нанасілі зямлі і на тую гару. Каб я знала, я б дапытвалася. Ну, «Французская гара» і гара! А хто там дапытываўся! Гавораць, французы шапкамі нанасілі. Такая гара там, ого!⁶

В народных повествованиях погребенными в курганах оказываются исключительно «чужаки», солдаты проигравшей войну армии. Во всяком случае, курганные захоронения с названием «русские могилы» не встречаются.

Иногда фольклорные версии являются результатом народной интерпретации «официальной» истории:

Французскія магілы ёсць, ёсць. Тут у лесе і кілометру ня будзе. А ісьці — во, па дарозе на Галышы, як хаты скончацца, на пагорку дуб будзе, вось ад яго дарога ўправа, а там сьнежка... Старыя расказвалі. Як адступалі французы, а нашыя, беларусы, мост папалілі. Мост тады не тут быў, а далей туды, дзе рака шырэйшая. Ну, нашы мост папалілі, французы і сталі прасіцца, каб ім мост зрабілі. А яны ўжо за гэта абяшчалі нікога ня трогачь. А нашы не са-

гласіліся. А тады у плен іх многа сталі браць. А растрэльваць не было як — патронаў не было. Ну тады і прыдумалі. Заводзілі гэтых французаў у ток і там душылі, а потым палілі іх і вазілі ў лес закапвалі. А праўда гэта ці не? Старыя расказвалі... (Россонский р-н) [5. С. 266—267].

Необычный в таких случаях сюжет о «кремации» погибших французов получил объяснение при сопоставлении фольклорно-этнографической и археологической реальности. Как оказалось, часть курганов была раскопана профессиональными археологами двумя десятилетиями ранее, до появления в этой округе этнографической экспедиции. Подобные исследования всегда вызывают неподдельный интерес у крестьян, однако информация, полученная от археологов (в частности, о трупосожжении) была усвоена и интерпретирована согласно местной фольклорной истории, которая однозначно связывала курганы с французами, а не с какими-то непонятными «кривичами».

Второй случай «вторжения» официальной истории в пределы фольклорной памяти еще более показателен. События, произошедшие в пределах локального культурного ландшафта, никогда не трактуются как второстепенные и маргинальные, а, наоборот, характеризуются как исключительные и судьбоносные. Проще говоря, исход войны 1812 г. решался не только (и не столько) на Бородинском поле, сколько в ближайших окрестностях одной из деревень Витебщины:

У Ціміразеве там курганаў многа было, у нас няма. Там роў ідзець, между Бум і Ціміразевым. Там рэчка была бальная, паўнаводная, дажа баржы хадзілі, сена вазілі. І места такая точна, як на Барадзінскім полі, дзе Напалеён біўся з рускімі. І тут такая самая — рэчка, топкая места, лясныя непрыступныя, і тут сільны бой быў. Там было паложана гадоў... Там курганаў 15—20... Пасля вайны іх разорвалі, а тады запрацілі. Места тое звалі Роў і ўсё. Там бой бальшы быў. Точна Барадзінская поля. Я ў Маскве быў, відзеў, точна такая і ў нас (Сенненский р-н) [5. С. 270].

Несмотря на деструктивный характер войны, она, как и любое событие экстраординарного характера, проявляет свои созидательные потенции. После войны традиционный культурный ландшафт пополняется новыми элементами. И не только захоронениями, что само по себе логично, но даже поселениями. Согласно фольклорной традиции, целый ряд ойконимов появ-

ляется и имеет свое объяснение именно в контексте военных событий. В то же время, согласно логике мифопоэтического мышления, наделивание именем (названием) объекта является тождественным созданию самого объекта, его включению в пространство культуры и семиосферу в целом:

Расказваюць, што раней вёска гэта называлася Напалеонаўка. У час вайны 1812 года тут стаялі французскія войскі. Але вымаўляць такую доўгу назву было цяжка, нязручна, вось і перарабілі яе ў Паленаўку (Лиозненский р-н) [3. С. 318].

Однако отмечен и такой случай, когда имеется две народные версии относительно происхождения названия деревни: по одной из них, название дается французами, по другой — русскими. Версия с французами примечательна тем, что, согласно преданию, они свободно изъясняются на белорусском языке:

Чаму Гарбаціца? Эта назва ад часоў Напалеона. Калі французы дайшлі да гэтага месца, ад’ютант сказаў яму: «Горы, баця, далей ня пройдзем!»⁷

В случае с русскими фольклорная память такого не фиксирует:

А Гарбаціца — гэта, што вайна тая, даўняя была, і французы адступалі. А рускія ішоўшы за імі. Прахадзілі балота, а там ужо гара, і адзін салдат сказаў генералу: «Гара, баценька». Вось адгэтуль і назва вёскі (Ушачский р-н) [5. С. 281].

Отдельную сюжетную линию составляют предания о золоте, якобы закопанном отступавшей наполеоновской армией в различных местах Витебщины. Именно эти предания в наибольшей степени повлияли на актуальную историю локальных сообществ, породив такое явление, как «сельская археология»:

Ай, гэтыя французскія магілы, што раз іх правяралі. Ну як нейкія ж французы пабітыя тут былі, пабітыя. Там нейкая ж куча гэтага, ссуваная каменю, капаліся там, казалі, там французамі золата пахаванае, не нашлі там нічога⁸.

Иногда даже указываются «точные координаты» для нахождения наполеоновского золота:

Старая Смаленская дарога шла ад Сушы і да Ульскай шашы. Па гэтай дарозе адступаў Напелеон [так!]. Ён захараняў

у валатоўках скарб. Дзецямі мы находзілі скалкі з камня, разноцветныя — галубыя, палоскамі, камні с ладошку і меншыя. Дык вот када Напалеон адступаў праз валатоўкі, а потым там жылі чатыры браты. Напалеон не успяваў вывазіць дабро. З места, дзе ён закапаў дабро, павінна было відаць сем азёр. Местаэтае недалёка ад Загорцаў (Лепельский р-н) [5. С. 267].

Показательной в контексте противоречивого характера войны для Белоруссии является фольклорная персонализация войны. В значительном числе преданий, посвященных событиям 1812 г., фигурирует Наполеон, но полностью отсутствуют российский император, Кутузов, Витгенштейн (который активно действовал как раз на Витебщине) и другие военачальники. С одной стороны, этот факт можно объяснить тем, что Наполеон концентрированно воплощал в себе образ «чужого», который в традиционном мировосприятии характеризовался всегда более подробно, чем «свой». Но то обстоятельство, что в народных преданиях образ Наполеона практически не имеет отрицательных коннотаций (в отличие от французов), наводит на мысль, что император выступает скорее как личность легендарная, ставшая таковой еще до прихода «Великой армии» на белорусскую землю. Тут уместно вспомнить о связанных с ним чаяниях и надеждах значительной части населения.

На территории Витебщины находятся три дуба Наполеона: в местечке Опса Браславского р-на, в д. Якубово Россонского р-на и в г. Бешенковичи. Все эти деревья-старожилы для местного населения являются особой достопримечательностью. В Бешенковичах считают, что «под сенью его могучей кроны... он в июле 1812 г. позировал художнику» [6. С. 107], в Опсе говорят, что под дубом он совещался со своими генералами, а среди жителей Якубово бытует предание о кладе, зарытом Наполеоном.

Примечательной является историческая канва преданий: в Опсе находился штаб генерала Мюрата, в окрестностях Якубова состоялось одно из значимых сражений, известное как «битва под Клястицами», а в Бешенковичах действительно останавливался Наполеон. Но не менее значим и мифологический контекст: дуб в мифопоэтической традиции индоевропейцев обладает особым статусом; он связывается с верховными богами (Зевсом, Перкунасом, Перуном) или с царственными особами (известен дуб Витовта) и практически никогда — с отрицательными персонажами.

Примечания

¹ Иван Васильевич Пашков, 1932 г.р., д. Озёрная Россонского р-на, зап. Т.В. Володина, В.А. Лобач в 2009 г. (АИФФ).

² Валентина Ивановна Космин, 1935 г.р., д. Апанасковичи Ушачского р-на, зап. М. Космин в 2009 г. (АИФФ).

³ Наталья Трофимовна Берошевич, 1924 г.р., д. Пустынки Сенненского р-на, зап. Т.В. Володина, В.А. Лобач в 2009 г. (АИФФ).

⁴ Фёдор Петрович Волков, 1924 г.р., д. Суша Лепельского р-на, зап. Т.В. Володина в 2008 г.

⁵ Татьяна Анатольевна Светлова, 1959 г.р., д. Янковичи Россонского р-на, зап. Т.В. Володина, В.А. Лобач в 2009 г. (АИФФ).

⁶ Мария Автухова, 1924 г.р., д. Казакова Верхнедвинского р-на, зап. В.А. Лобач, В.С. Филиппенко в 2005 г. (АИИФ).

⁷ Александр Иванович Барковский, 1927 г.р., д. Бутово Ушачского р-на, зап. В.А. Лобач в 1999 г. (АИФФ).

⁸ Надежда Филипповна Боровская, 1922 г.р., д. Южное Гнездилово Докшицкого р-на, зап. Т.В. Володина, В.А. Лобач в 2009 г. (АИФФ).

Литература

1. *Бабкин В.И.* Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г. // Вопросы военной истории. XVIII и первая половина XIX века. М., 1969.
2. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. Мінск, 1985.
3. Легенды і паданні. Мінск, 2005.
4. *Лобач У.А.* Курганы і гарадзішчы ў міфапаэтычнай карціне свету беларусаў // Веснік ПДУ. Серыя А. Гуманітар. навукі. 2007. № 7.
5. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння. Ч. 1. Наваполацк, 2011.
6. *Федорук А.Т.* Садово-парковое искусство Белоруссии. Мінск, 1989.
7. *Шыбека З.* Нарыс гісторыі Беларусі (1795—2002). Мінск, 2003.

Сокращения

АИФФ — Архив историко-филологического факультета Полоцкого гос. ун-та.

Статья подготовлена в рамках работы по гранту БРФФИ-РГНФ «Фольклорные нарративы белорусско-русского пограничья в контексте внутренних и внешних связей», договор № Г11Р-002